

Луне суждено то рождаться, то умирать, скрываться во тьме ночных туч и вновь являть миру свой сияющий лик. Мало кто задумывается над тем, что из-за удивительного вращения этого светила оно всегда обращено к нам лишь одной своей половиной. В каком бы уголке земной тверди ты ни находился, тебе никогда не суждено увидеть её сокровенную, скрытую во тьме сторону.

Помост Наблюдения за Источником

В бледно-синей вышине ночного неба, прямо над узорчатыми перилами Помоста Наблюдения за Источником, величественно сияла полная Мань Юэ. Прохладный ночной ветерок, напоенный тонким ароматом цветущего османтуса, тихо играл листвой в кронах деревьев, наполняя сад нежным шорохом.

После ухода Цин И князь Цюй Луныцзюнь остался один. Он по-прежнему сидел за каменным столом, молча наливая себе вино. Серебристое лунное сияние мягко очерчивало его силуэт, но оставляло лицо в глубокой тени. Слова Цин И задели его за живое, растревожили душу, и все же...

— Ваше высочество, — из густой тени колоннады бесшумно, словно призрак, соткалась фигура в черном одеянии. Человек почтительно склонил голову и опустился на колени.

Цюй Луныцзюнь мгновенно перестал задумываться, став холодным и безжалостным.

— Всё готово? — негромко спросил он.

— Да, — тихо отозвался лазутчик. — Все четыре отряда, в общей сложности сто семидесяти человек, ждут приказа.

— На месте вас встретят и направят. Как только караван войдет в Долину Лянцю, ждите сигнала. Красный дым — знак к началу. Ошибок быть не должно. Нам нужна только победа.

— Слушаюсь.

— Ступай, — Цюй Луныцзюнь на секунду зажмурился. — Когда дело будет сделано, я исполню свое обещание. Забирай её и уходи. Уезжайте как можно дальше отсюда и никогда, слышишь, никогда больше не возвращайтесь.

— Благодарю вас, ваше высочество! Век не забуду вашей милости! Позвольте откланяться, — с этими словами черный силуэт словно растворился в призрачном лунном свете, не оставив и следа.

Цюй Луныцзюнь единым глотком осушил чарку, со стуком поставил её на стол и медленно подошел к краю помоста. Заложив руки за спину, он поднял взор на сияющую луну.

«В последний раз. Только один этот раз...»

Павильон Чистого Душистого Трутника

Вернувшись в Павильон Чистого Душистого Трутника, Цин И так и не смог уснуть. Опершись о подоконник, он задумчиво созерцал плывущую в ночном небе Мань Юэ.

Он прекрасно понимал, что Цюй Луныцзюнь что-то замышляет. Еще тогда, когда тот впервые настоял на его участии в Осеннем жертвоприношении, юноша догадывался о скрытых мотивах. В последние дни князь появлялся редко, действовал скрытно, и Цин И без труда складывал воедино кусочки этой мозаики. Предостережения лекаря Сяо Яньи перед отъездом тоже не прошли даром. Цин И был бесконечно добр, но отнюдь не глуп. И сегодняшняя тень вины, проскользнувшая в голосе князя, лишь окончательно подтвердила его догадки.

«Разве я не обещал себе держаться подальше от дворцовых интриг? Зачем тогда ввязался в это дело с жертвоприношением? Согласись я вчера уехать вместе с Сяо Яньи в Пиньян, сейчас был бы в полной безопасности. Зачем добровольно лезть в этот омут?»

Он понимал, что идет против здравого смысла, но какая-то неведомая сила заставляла его сделать этот шаг. Глядя на безмолвную Мань Юэ, Цин И не мог найти разумных причин своему решению. Лишь глубокое предчувствие подсказывало, что он поступает правильно.

Ему вспомнились когда-то услышанные слова о том, что в этой жизни есть вещи, не поддающиеся законам разума. Если сердце велит тебе идти — иди, не задавая вопросов и не ища оправданий. Порой за нашими самыми безрассудными решениями стоит направляющая длань самой судьбы. «До тридцати лет не ведай страха, после тридцати — не ведай сожалений». Наступит день, когда он осознает великую мудрость этого правила.

Имперский дворец

Этой дивной ночью в императорских покоях тоже был тот, кто смотрел на сияющую Мань Юэ. Однако на душе у императора Цюй Ли было беспокойно. Последние донесения соглядатаев лишали сна: на западе Королевство Великой Соли и Королевство Шан начали тайно сближаться, а на востоке Королевство Юй спешно готовило династический брак с Королевством Цюн. Кольцо сжималось. Мирные дни подходили к концу, и дыхание грядущей войны уже ощущалось в воздухе.

Королевство Цюй, раскинувшееся на благодатных южных землях, славилось своим богатством и процветанием, неизменно вызывая зависть соседей. Особенно опасным врагом виделось Королевство Великой Соли. Окруженное суровыми бесплодными пустынями, оно превосходило Цюй по площади почти втрое, но его земли были скудны. Правитель Великой Соли, император

Цзянь, давно зарился на чужие щедрые пашни и закрома. Его амбициозные планы по захвату Цюй и последующему объединению всех земель под своим знаменем были секретом Полишинеля. И в этой ситуации Королевство Шан решило протянуть пустынным хищникам руку помощи, наивно полагая, что Великая Соль пощадит их в благодарность. Какая непростительная, слепая глупость! Разве волка можно умиловать подачками? Он сожрет пособника первым же делом.

Цюй Ли тяжело, сокрушенно вздохнул. Союз между Цюн и Юй тоже не сулил ничего хорошего — очевидно, они объединяли силы, чтобы вместе противостоять натиску Великой Соли. В этой великой распре пяти держав лишь Королевство Цюй осталось в полном одиночестве, лишенное союзников и поддержки. Вся тяжесть грядущей войны мертвым грузом легла на молодые плечи императора. Кругом враги, страна на пороге катастрофы.

«Неужели ты этого не видишь, брат? В такой час, когда враг у ворот, ты думаешь лишь о том, как свергнуть меня и занять трон! Что за безумие ты затеял на этом Осеннем жертвоприношении? Если наше государство рухнет под копытами вражеской конницы, кому нужна будет эта корона? К чему тебе власть на пепелище?»

Но придворные чинуши и военачальники, погрязшие в кумовстве и интригах, словно не замечали грозы. Изо дня в день они грызлись за крохи власти и набивали карманы золотом. В самом дворце творилось то же самое: вдовы-наложницы сколачивали союзы, плели заговоры, вырывая друг у друга крупницы влияния, а теперь еще и сцепились не на жизнь, а на смерть из-за выбора новой императрицы.

Вчера ночью был похищен Драгоценный камень красоты, и уже на рассвете матушка в величайшей тревоге прислала своих доверенных во Дворец Фуян разузнать подробности. Вот уже более двадцати лет её жизнь состояла из непрекращающегося страха. Сначала она тряслась за свой титул благородной супруги, потом изнывала от страха, не будучи в силах родить наследника, затем переживала, заметит ли покойный император её сына, взойдет ли Цюй Ли на престол, получит ли она сама почетный статус вдовствующей государыни... Но за все эти годы она ни разу — ни единого раза! — не поинтересовалась, что на душе у самого Цюй Ли, её единственного ребенка. Даже сегодня, узнав о ночном происшествии, она пеклась исключительно о судьбе священной яшмы. О том, не пострадал ли при нападении её собственный сын, она даже не спросила.

«Неужели этот кусок черной яшмы дороже собственной крови? Да, это её фамильное приданое, передававшееся из поколения в поколение. Да, у этой вещицы непростая история. Говорят, она указывает путь к легендарным сокровищам древности... Но неужели эти сказки, эти призрачные богатства весят больше, чем жизнь её сына? Утрата реликвии ранила её сердце куда сильнее, чем могла бы ранить моя гибель»

Цюй Ли безучастно взирает на сияющий лик Мань Юэ. Жестокие законы выживания в императорском дворце давно выжгли в его душе зачатки родственных чувств, лишив его последней глупой надежды и детской слабости.

Поиски дерзкого похитителя продолжались уже сутки, но не принесли никаких плодов.

Императорская гвардия прочесала окрестные леса и наткнулась лишь на бездыханные тушки двух синеглазых ночных ястребов, сраженных скрытым оружием, да обломок стрелы из черного золота.

По правде говоря, сама черная яшма мало заботила Цюй Ли. Ему куда важнее было понять: зачем вор пошел на такое безумие и кто дирижирует им из тени? Сам император не верил в бредни о сокровищах, но люди падки на богатство и ради него охотно расстаются с жизнями. Смертоносные иглы, которыми были убиты ястребы, знающие люди определили сразу — то были Иглы Водного Узора «Цзы-Сюн», грозное оружие, принадлежавшее таинственному мастеру по прозвищу Кровавая Рука Тысячи Гор из воровского ордена Кровавой Руки. С древнейших времен лесной люд и бродяги не совались в дела власть имущих. Какими бы отчаянными ни были эти вольные мастера, они никогда не пошли бы против императорской короны без веской причины. Совершить налет на святая святых, обокрасть самого владыку государства... За спиной жалкой шайки Кровавой Руки определенно стоял невероятно могущественный покровитель.

«Сокровища... Если за этим действительно стоит золото древних, то тот, кто им овладеет, получит и власть над всем миром. Тогда завоевание соседних земель станет лишь вопросом времени»

— Ваше Величество, час поздний, вам пора почивать, — почтительный шепот евнуха Юнь Чжоу нарушил тишину покоев.

— Добро, — император неторопливо развернулся и, сделав пару шагов, как бы невзначай обронил:

— Юнь Чжоу...

— Раб слушает, — старик согнулся еще ниже.

— Ты боишься меня? — Цюй Ли слегка повернул голову, одарив евнуха ледяным, пронизывающим до костей взглядом.

От этого простого вопроса Юнь Чжоу задрожал всем телом и мгновенно рухнул ниц, стукнувшись лбом о холодный пол.

— Пощадите, Ваше Величество! Этот ничтожный раб заслуживает смерти!

Император ничего не ответил. Лишь загадочно усмехнулся и прошел мимо плачущего слуги.

«Вы все трепещете предо мной, заискиваете и превозносите до небес. Но вы боитесь не меня. Вы преклоняетесь перед троном. Сними с меня это шитое золотом одеяние, забери драгоценную корону — и я стану для вас пустым местом»

Свет луны, льющийся сквозь высокие окна, вытягивал по полу длинную одинокую тень владыки. В этой огромной, мрачной зале он казался невероятно одиноким.

Тем временем тот самый дерзкий вор, которого безуспешно разыскивали лучшие ищейки императора, вовсе не успел покинуть столичные пределы.

Глухая лесная чаща

Когда Мин Фэн пришел в себя, первым, что он увидел, был тусклый диск Мань Юэ. Плотные кроны вековых деревьев смыкались над его головой, оставляя лишь крошечный просвет, похожий на темный колодец, со дна которого он взирал на равнодушное ночное светило.

Где он? Что это за место?

— Очнулся наконец, — раздался неподалеку незнакомый, хриловатый от старости голос.

Мин Фэн с усилием повернул голову. Чуть поодаль весело потрескивал костер, возле которого сидел седовласый старик с белоснежной, как лунь, головой. В его руках была небольшая ступка, в которой он неторопливо растирал лечебные травы.

Мин Фэн попытался приподняться на локте, но во всем теле отозвалась резкая боль.

— Не дергайся, полежи еще, — мягко, но настойчиво остановил его старик. — Рана твоя не смертельна, однако крови ты потерял немеряно.

«Рана?» — Мин Фэн нахмурился, и в его памяти рваными вспышками начали всплывать события минувшей ночи. Проникновение во дворец, кража яшмы, свист стрелы, обжигающая боль в плече, безумный бег сквозь лесную чащу... А что было потом? Он коснулся левого плеча и обнаружил, что оно туго и умело перебинтовано. Очевидно, этот старик спас ему жизнь.

— Позвольте узнать... — хрипло выговорил Мин Фэн.

— Моя фамилия Сяо, — добродушно отозвался старик, не прерывая своей работы. — Проходил мимо, гляжу — парень лежит без чувств, весь в крови. Ну не бросать же тебя на съедение зверью. Вот и подлечил немного.

— Сяо?.. — Мин Фэн потрясенно округлил глаза. — Неужто вы... тот самый легендарный лекарь Сяо Яньи, о котором в народе говорят, что вы способны вырвать человека из лап самой преисподней?

— Он самый, собственной персоной, — старик негромко рассмеялся, поглаживая длинную бороду.

Превозмогая слабость, Мин Фэн сполз на землю и, преклонив колена, почтительно сложил ладони в приветственном жесте:

— Младший Мин Фэн приветствует старшего Сяо! Моя жизнь отныне принадлежит вам. Огромное спасибо за спасение! Клянусь, наступит день, и я отплачу вам за эту великую милость, даже если мне придется стать травой и сплестись под копытами коней ваших врагов.

— Полно тебе, поднимись, — Сяо Яньи поспешно подошел и ласково удержал юношу за локоть, помогая ему сесть на прежнее место. — Слишком громкие слова для такого скромного дела, Мин Фэн. Но скажи-ка мне... неужто ты совсем меня не помнишь?

Мин Фэн ошеломленно замер.

— Старший... мы встречались прежде?

— Хе-хе, дело прошлое, — старик прищурился. — Мин Фэн ведь не твоё настоящее имя, верно? Лишь прозвище для скитаний по цзянху.

— Так и есть.

— А при рождении ты получил фамилию Сян, не так ли?

Мин Фэн невольно напрягся.

— Откуда вам это известно?

Сяо Яньи весело рассмеялся, качая головой.

— Пути судьбы неисповедимы! Я знаю не только твою родовую фамилию, но и то, что отец нарёк тебя Фэном, то бишь Клёном. Твое истинное имя — Сян Фэн. Но, ступив на стезю воинских искусств, ты скрыл его, назвавшись Мин Фэном. И ныне на дорогах цзянху гремит слава юного героя Чистый Ветер. Я ведь прав?

— Вы мне льстите, старший. Слава — лишь пустой звук, ветер в камышах. Но всё же... как вы узнали?

— Сказать по правде, я знаю тебя с самых пеленок. Просто ты был совсем крохой и, конечно же, ничего не помнишь.

— С пеленок? — переспросил Мин Фэн.

— Да. В молодые годы мы с твоим батюшкой были названными братьями, поклявшись друг другу на крови. Твой отец, благородный брат Сян, тогда пообещал: если у него родится сын, право дать ему имя будет принадлежать мне. В последний раз я видел тебя, когда тебе едва исполнилось три года. На тыльной стороне твоей правой ладони красовалось родимое пятно, по форме точь-в-точь напоминающее кленовый лист. Потому-то я и назвал тебя Фэном. Пролетело двадцать лет... Кто бы мог подумать, что мы встретимся при столь странных обстоятельствах! Если бы не эта приметная кленовая отметина, я бы ни за что тебя не узнал. Воистину, сама судьба свела нас у этого костра.

Мин Фэн растроганно улыбнулся. Он опустил взгляд на свою правую руку, где на бледной коже действительно алело багровое, словно налитое кровью, пятнышко в виде резного кленового листа.

— Фэн-эр, — тепло спросил лекарь Сяо, — как поживает твой батюшка? Жив ли, здоров?

Лицо Мин Фэна мгновенно омрачилось, взгляд потух.

— Несколько лет назад в Дунъюане разразился страшный мор. К несчастью, отец не сумел уберечься и ушел из жизни.

— Ах... — старик сокрушенно покачал головой, его глаза подернулись влагой. — Долетали до меня слухи о той беде. Матушка твоя покинула этот мир совсем молодой, и брат Сян один растил тебя, не щадя сил. Тяжелая ему выпала доля. В те годы я служил главным придворным лекарем и не мог своевольно покинуть императорский дворец. Знай я тогда о его болезни, бросил бы всё, примчался в Дунъюань и вытащил бы его с того света! Увы... даже проститься с ним перед смертью мне не довелось.

— Не корите себя, старший, — тихо произнес Мин Фэн, пытаясь утешить названного дядю. — Отец ушел тихо, без мучений. Его ничто не держало на этой земле.

— Упокоил ли ты его как подобает?

— Да, такова была его последняя воля — лежать в одной могиле с матушкой.

— Что ж... пока мои старые кости еще держат меня, я обязан добраться до их могилы и поклониться брату Сяну. Столько лет мы не виделись...

— Я сочту за честь лично проводить вас туда, дядя Сяо.

— И всё же, Фэн-эр, как ты оказался в этой глуши? Да еще и с тяжелым ранением?

Мин Фэн замялся, не зная, что ответить. На его лице отразилось явное смущение.

— Что ж, вижу, дело это тайное, не для чужих ушей, — понимающе усмехнулся Сяо Яньи. — Не хочешь — не говори. Рана твоя затянется быстро, сухожилия и кости целы. Главное — не тревожь плечо в ближайшие дни и не пытайся практиковать внутреннюю силу.

— Благодарю за наставление, я буду осторожен.

— Куда держишь путь, когда окрепнешь?

— В Чэньси.

— Вот так встреча! Я как раз возвращаюсь в Пиньян, и дорога моя пролегает напрямик через Чэньси. Коли не побрезгуешь обществом дряхлого старика, можем отправиться вместе.

Мин Фэн открыл было рот, чтобы согласиться, но вовремя осекся.

В Чэньси его ждали головорезы из ордена Кровавой Руки. Там он должен был передать им похищенную яшму в обмен на свободу дорогого человека. Если этот благородный старик пойдет с ним, он неминуемо окажется в смертельной опасности.

Мин Фэн заколебался. Его левая рука невольно потянулась к груди, где под плотной тканью рубахи должна была покоиться драгоценная черная яшма. Пальцы нащупали твердые угловатые бруски сквозь ткань, но от их прикосновения Мин Фэна мгновенно бросило в ледяной пот.

Почему их только две?!

Забыв о всяком приличии, он лихорадочно полез за пазуху и вытащил завернутые в тряпицу камни. Всё верно — на ладони лежали лишь две черные пластины. Юноша принялся в панике обшаривать карманы, складки пояса, сапоги... Две! Куда делась третья?!

— Фэн-эр, что с тобой? Тебе нехорошо? — встревожился лекарь, заметив, как побледнел его названный племянник.

— Как же так... Почему её нет?! — губы Мин Фэна задрожали. Лицо стало блее полотна.

Он ведь точно помнил: у него было три части. Последнюю он лично сорвал с пояса императора во время ночного налета и спрятал за пазуху вместе с первыми двумя. Неужели выронил, пока уходил от погони?

— Дядя Сяо! — Мин Фэн мертвой хваткой вцепился в рукав старика, его глаза горели безумным отчаянием. — Когда вы нашли меня в лесу, вы не видели рядом третью такую же плашку? Вот точно такую же черную яшму!

— Черную яшму? — Сяо Яньи удивленно взглянул на протянутые камни и покачал головой. — Нет, мой мальчик. Возле тебя ничего не лежало. Только твоя сабля да ворох палых листьев.

— Пожалуйста, вспомните получше! Может, в темноте вы просто не заметили её под ногами? Или она отлетела в кусты, когда я падал?

Лекарь на мгновение задумался, припоминая детали спасения.

— Нет, исключено. Я тщательно осмотрел всё вокруг, пока перевязывал тебя и заметал следы. Никаких камней там не было.

Опустошенный, Мин Фэн бессильно опустил руки и повалился на землю. Всё тело сковал могильный холод.

«Небеса, что же мне теперь делать? Как я спасу Цинь-эр?»

— Фэн-эр, расскажи мне всё, — мягко произнес Сяо Яньи, видя его страдания. — Если попал в беду, не таись от старика. Мы найдем выход вместе.

Мин Фэн посмотрел на доброе, испещренное морщинами лицо лекаря. Силы оставили его окончательно, и, больше не в силах сдерживать гнетущую тайну, он выложил всю правду от начала до конца.

Спустя время, за которое успела бы догореть ароматная палочка, Сяо Яньи задумчиво молчал, вороша угли прутиком. Его лицо сделалось необычайно суровым.

— Дядя Сяо... — Мин Фэн опустил голову, не смея поднять глаз на названного брата своего отца. — Я знаю, что совершил подлый, недостойный благородного мужа поступок. Пойти на кражу, осквернить имя предков... Но у меня не было выбора! Молю вас, укажите мне путь спасения.

— Фэн-эр, доверишься ли ты мне? Сделаешь ли так, как я скажу?

— Клянусь, я исполню любое ваше слово!

— Отлично. Мой тебе совет: пока своими глазами не увидишь девицу живой и здоровой, яшму не отдавай.

— Как это понимать?

— О том, что из трех частей черной яшмы у тебя осталось лишь две, знаем только мы с тобой. Для разбойников из ордена Кровавой Горы у тебя по-прежнему на руках весь комплект. К тому

же у меня есть сильные сомнения на их счет. Негодяи, способные на похищение невинной девушки, легко могут обмануть тебя. Заберут сокровище, а пленницу убьют. Поэтому запомни: сперва пусть покажут Цинь-эр. Пока не убедишься, что её жизни ничего не угрожает, не показывай им камни.

— Да, я понял! — твердо кивнул Мин Фэн.

— И еще кое-что... — Сяо Яньи хитро прищурился. — Ты хоть знаешь, кто она такая, эта твоя Цинь-эр? Чьего она роду-племени?

Мин Фэн растерянно моргнул. Щеки его мгновенно залила краска смущения.

— Э-э... я знаю лишь, что она живет одна на Горе Фэннаньшань. А остальное... — он принялся неловко тереть край рукава, — я как-то... не успел расспросить...

— Одна? Живет на безлюдной горе? — Сяо Яньи медленно погладил бороду, и в его мудрых глазах промелькнула едва заметная искра понимания. Он глубоко вздохнул.

«Пусть их. Молодость должна сама испить свою чашу до дна, познать и сладость надежд, и горечь разочарований. Пройдут годы, и они, как и я теперь, поймут, в чем истинная ценность жизни. Поймут, когда седина покроет их головы, а время безвозвратно утечет сквозь пальцы»

Всё в этом мире движется по кругу. Всё возвращается на круги своя. Жизнь — лишь бесконечный, неизбежный круговорот...

<http://bllate.org/book/20580/2182198>